ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

УДК 394.262

КУМЫСНЫЕ ПРАЗДНИКИ, РИТУАЛЫ И ЦЕРЕМОНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОМНЯЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ*

З.К. Сураганова

*Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок»
Нур-Султан, Республика Казахстан
suraganova_zk@mail.ru*

К.К. Сарсембина

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Республика Казахстан
kuralai_sk@mail.ru*

В статье на основе письменных и полевых источников рассматриваются кумысные праздники, ритуалы и церемонии в исторической ретроспективе и современной реальности.

На основе китайских, армянских, среднеазиатских источников XIII–XVII вв. показано ритуальное значение кумыса, который на протяжении столетий сохранял роль главного церемониального атрибута в рамках воинских ритуалов и жертвоприношений в культуре народов Центральной Азии. Кумысом кропили боевые штандарты накануне сражения. Он выступал в качестве жертвенного возлияния небу, сторонам света, горам. Кумыс являлся престижным напитком и обязательным угощением как в кибитке простого степняка, так и на государственных приемах и празднествах великих степных империй. Этот напиток выступал главным угощением на пиру. Порядок его распределения семантически обозначал иерархии в степных империях. В казахской степи традиции кумысных церемоний и праздников продолжают, согласно этнографическим источникам XIX–XX вв., сохранять устойчивость. В XX в. по-прежнему отмечается престижный характер кумыса у казахов, указывается обрядовый характер кумысных угощений. В настоящее время кумыс в Казахстане по-прежнему выполняет роль престижного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, программа BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии».

напитка, который присутствует не только в календарной обрядности, но и на пирах, устраиваемых во время обрядов жизненного цикла.

Полевые исследования, проведенные в июле – сентябре 2021 г., дают основание говорить не только об устойчивости кумысных праздников в рамках весенней и осенней календарной обрядности, но и их актуализации в виде представления как элемента нематериального культурного наследия.

В отличие от Средневековья в церемонии угощения кумысом сегодня отмечается изменение характера обряда и цели. Возникший в глубокой древности комплекс кумысных праздников рассматривается сегодня казахами как культурное наследие, как место памяти. Его используют в качестве символического капитала для организации и проведения различных мероприятий.

Ключевые слова: *қымызмұрындық, сірге жияр*, место памяти, кумысные ритуалы и церемонии, казахи

Для цитирования: Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 2. С. 257–270. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.257-270>

Авторы статьи предпринимают попытку анализа символического значения кумысных ритуалов и церемоний в контексте помнящей культуры Великого пояса степной Евразии.

Кумыс – сакральный напиток степняков – остается важным элементом традиционного застолья у казахов. Им угощают перед главным блюдом и после чайного стола. В угощении кумысом устойчивыми остаются определенные порядок и правила угощения.

Привлечение письменных источников и полевых материалов позволяет представить в динамике кумысные обряды и церемонии на протяжении более чем 800 лет.

Материалы и методы исследования

Материалами для исследования стали средневековые письменные памятники, этнографические наблюдения исследователей XX в. и материалы авторских полевых исследований 2021 г. Хронология привлеченных письменных источников охватывает период с XIII по XVII в. Среди них: китайские («Юань чао би ши») («Сокровенное сказание» в переводе С.А. Козина и Б.Я. Владимирцова), «Хэй да ши люе» («Краткие сведения о черных татарах»), «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар» в переводе В.П. Васильева), армянские («История Вардана», «История Армении» Киракоса Гандзакеди), среднеазиатские «Бабурнаме» и «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»).

Этнографические наблюдения советских исследователей С.И. Руденко и Ф.А. Фиельструп в 1930-е гг. отражают бытование кумысных обрядов в казахском ауле, когда советская власть еще не успела вмешаться в регламентацию праздничной культуры населения.

Привлеченные полевые материалы – результат исследований авторов, проведенных в июле – сентябре 2021 г. на территории Акмолинской (Ерейментауский, Коргалжынский районы), Карагандинской (Улытауский, Жанааркинский районы), Павлодарской (Баянаульский район) областей. Они дают основание говорить о ревитализации кумысных праздников и церемоний. Полевые материалы получены методами опроса, включенного наблюдения и интервью.

Обзор литературы

Кумысные обряды и церемонии в империи Чингизидов начали привлекать внимание исследователей уже в начале XX в. Одним из первых в их изучении стал востоковед В.В. Бартольд. В сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина, изданный в 1909 г., вошла его статья «Церемониал при дворе узбекских ханов в VII веке», где ученый, анализируя сочинение поэта, историка, суфия Махмуда бен Эмира Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», написанное в 1630–1635 гг., отмечает строгую иерархию церемонии распития кумыса, роль *сабадара* (заведующего кумысным бурдюком) (Бартольд 1909: 293–308). Исследователь писал: «Подробности рассказа наглядно свидетельствуют о том, насколько узбекские ханы, утвердившие свою власть в культурных областях нынешнего Русского Туркестана в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни и родового строя и насколько их двор в этом отношении отличался от двора современных хивинских и бухарских ханов, особенно последних» (Бартольд 1909: 295).

К теме кумысных церемоний и их значений в государственной политике империи Чингисхана обратился современный исследователь А.Г. Юрченко. В его трудах кумысные ритуалы рассматриваются с точки зрения политики Чингизидов, связанной с включением иноземцев в имперское и культурное пространство империи. Ученый подчеркивает, что кумыс не имел в данном контексте отношения к религиозному церемониалу, а представлял собой почетное угощение, которым поощряли новых подданных (Юрченко 2007: 62–70). В своей книге «Элита Монгольской империи: время праздников, время казней» исследователь на основе исторических источников демонстрирует четкую привязку имперских праздников – Великих курултаев – к традиционной календарной обрядности и астральным циклам степняков (Юрченко 2012: 2). Он показывает их политическую подоплеку, когда «остается неизменной скрытая мотивация подобного рода мероприятий: непосредственный, личный контакт верховного правителя со своими заместителями из отдаленных областей для под-

тверждения последними лояльности центральной власти» (Юрченко 2012: 28). Ученый выделяет четыре главных имперских праздника: Новый год, праздники возлияния молоком белых кобылиц, начала второго полугодия, середины лунного года, церемонии, связанные с почитанием Земли и Неба (Юрченко 2012: 16–53). Это классификация подтверждается другими источниками. Например, армянскими. Так, согласно «Истории Вардана», в июле 1264 года великий Ильхан Хулагу устраивал праздник в честь Нового года. «Эти праздничные дни назывались у них *Хурультай*, т. е. праздники совещаний, и продолжались целый месяц. В течение этого времени прочие ханы, родственники Чингиз-хана, в новых одеждах являлись к властителю своему совещаться о всем нужном. Каждый день они надевали платья другого цвета: К этому дню являлись туда покорные им цари и султаны с большими дарами и приношениями» (История монголов по армянским источникам 1873: 16–17).

В советской этнографии представлено описание кумысных праздников казахов. Так, участники антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР С.И. Руденко и Ф.А. Фиельструп зафиксировали в 1927 г. обряд первой весенней привязки жеребят, праздничное угощение первым кумысом (Руденко 1930: 22–24), особенности изготовления кумыса, вкусовые качества которого зависят от количества взбиваний (Фиельструп 1930: 267).

Кумысные праздники рассматривались в статьях казахстанских исследователей – Б.С. Кожахметова, Э.Р. Усмановой, М.Э. Султановой, Ж.Н. Шайгозовой. Их работы подготовлены на основе полевых наблюдений в ауле Терисаккан Улытауского района Карагандинской области и посвящены кумысным праздникам весеннего календарного цикла («Бие байлау», «Айғыр косу» и «Қымызмұрындық»), которые в составе номинации «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов» включены в 2018 г. в Репрезентативный список всемирного нематериального культурного наследия (категория «Обычаи, обряды и празднества»). Терисакканский кумысный обрядовый комплекс подразумевает проведение всех трех ритуалов в один день. Но традиционно он растянут по времени и проходит в течение апреля – мая. Неслучайно исследователи отмечают разнохарактерность обрядов: «В отличие от обрядов бие байлау и айғыр косу, которые имеют выраженный интимный характер (участвуют только члены семьи и близкие родственники), қымызмұрындық – третья и заключительная часть цикла призвана вовлечь в свою орбиту как можно больше людей. Чем больше гостей – тем громче и чаще звучат их добрые пожелания в адрес хозяев» (Султанова, Шайгозова 2017: 205).

*Кумысные ритуалы и церемонии в исторических источниках
и этнографической реальности*

Исторические источники позволяют говорить о том, что обычай жертвенного окропления кумысом в степной культуре имел устойчивый характер. Этот напиток издавна рассматривался в степной Евразии в качестве бескровной жертвы, символизирующей белую благодать. В сочинении «Юань чао би ши» («Сокровенное сказание») 1240 г. дается описание благодарственной жертвы кумысом Чингисхана горе Буркан за его чудесное спасение: «Темучин распустил пояс, повесил его себе на шею, снял шапку, повесил ее на руку и, ударя себя в грудь, девять раз преклонил колена и сделал возлияние вином из кумыса» (Владимирцов 1922: 36).

Кумысная церемония в описании армянского историка К. Гандзакеци (глава 32 «Краткое описание внешности татар») начинается с жертвоприношения кумысом: «Перед тем как пить кумыс... кто-нибудь из них берет большой сосуд в одну руку, а другой держит малую чашу, которой черпает из большой, затем разбрызгивает сначала к небу, потом [в сторону] востока, севера и юга. И только тогда тот, кто брызгал, отпивает немного и передает [чашу] старшему» (Гандзакеци 1976: 172). В китайском сочинении отмечается жертвенное окропление кумысом перед его употреблением: «Всякий раз, когда [они] пьют вино, [они] прежде всего совершают возлияние» (Мэн-да бэй-лу 1857: 79).

Сюжет кумысной церемонии ритуального окропления боевого знамени представлен в сочинении будущего основателя империи Тимуридов (Бабуридов) в Индии (1521–1857 (68) гг.) Захириддина Мухаммада Бабура (1483–1530). Являясь непосредственным участником ритуала, состоявшегося в 1501 г. (907 г. по хиджре), Бабур пишет: «Распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины – Султан Мухаммед Ханике. Тот могол, взяв в руки бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то сказал по-могольски, смотря на знамя, потом сделал знак. Хан и те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени. Все разом задули в трубы и ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич. Все это проделали три раза, а потом сели на коней и с криками обскакали вокруг лагеря» (Бабурнаме 1982: 74–75).

В Средневековье кумыс оставался обязательным и престижным угощением на пирах. В одном из средневековых сочинений подобный пир описан следующим образом: «Принесли и подали очень много кусков раз-

деланного и сваренного мяса ... и, как принято у них, много бурдюков кумыса из кобыльего молока и начали есть и пить» (Гандзакеци 1976: 165).

Описание кумысной церемонии приводится в записках южносунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина «Хэй да ши люе» («Краткие сведения о черных татарах»). Время написания записок – 1233 г. (Пэн Да-я) и 1235–1236 гг. (Сюй Тин) – установлено китайским исследователем Ван Го-Вэй (1877–1929). Согласно его данным, авторы записок входили в состав миссии, отправленной к монгольскому двору с целью «выразить признательность» в ответ на приезд в Южный Китай монгольского посла с предложением совместных военных действий против чжурчженей, занимавших в то время Хэнань (Пэн Да-я и Сюй Тин 1960: 133). В записках нашла отражение не только собственно кумысная церемония, но также дается пояснение ее происхождения: «Например, [человек] А, первый наливший [кобылье молоко], непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу Б [из этой же чашки]. Б, прежде чем пить, подает чашку А. [В это время] В и Г чмокают губами. Это называется “вкушанием”. [Лицо] А [в свою очередь] не пьет и тотчас же передает [чашку] В, чтобы тот выпил. В выпивает и, зачерпнув [кобылье молоко], угощает [им лицо] Б. Б снова отказывается пить и дает пить [лицу] Г. Г совершает такой же обряд, как и В, и только теперь [лицо] Б выпивает и, зачерпнув [молоко], угощает [им] А. А снова в таком же порядке наливает [им кобылье молоко] и дает пить [лицам] В и Г. Это называется “обменом кубками”» (Пэн Да-я и Сюй Тин 1960: 139). Важно, что тут же дается объяснение этой церемонии: «Первоначально это делалось для того, чтобы предоостеречься от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай» (Пэн Да-я и Сюй Тин 1960: 139).

Интерес представляет ритуальное включение иноземцев в церемониальное пространство тюрко-монгольского пира. В сочинении сунского автора Мэн-да бэй-лу приводится сюжет угощения иноземцев кумысом: «По обычаю татар [на пиру] хозяин держит в руках блюдо и чарку и уговаривает гостя [пить и есть]. Если гость, который пьет, оставит хоть каплю, то хозяин ни в коем случае не берет обратно чарку... Всякий раз, когда [татары] видят, что чужеземный гость, напившись, шумит, нарушает этикет... они бывают очень довольны и говорят: «Раз гость напился, то, значит, [он] с нами душа в душу!» (Мэн-да бэй-лу 1857: 82–83).

Спустя 400 лет церемония распределения кумыса приводится в последней из четырех частей сочинения «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») Махмуда бен Эмира Вали, написанного по распоряжению правителя Балха, а позднее Бухары и Самарканда Аштарханида Надир Мухаммад-хана (1634–1641 гг.). Кумыс в нем обозначается в качестве угощения, создающего особое коммуникационное пространство – организовывающего основу для общения людей, напитка, прогоняющего печаль (Бартольд 1909: 305). В сочинении подробно описан кумысный церемониал: «После того как царь и войско наслаждаются разного рода благами и божественными звуками, то-

гда сучии (...кравчие) и сабадары (...заведующие бурдюком) приносят бурдюки, чарки и другие принадлежности беззаботного веселия и [этими] предметами, связанными с веселием, воодушевляют радостное собрание. Тогда один их проворных одачиев по знаку царя... наполняет собственную чарку [царя] до краев тем напитком... и, с соблюдением всех приличий, подносит государю. Царствующий... повелитель без всякого промедления поднимает тот кубок, полный радости, и немного отпивает от того чистого вещества, которое называется кумысом, а остальную... [напитка] жалует одному из надежных советников-эмиров. Эмир, отличенный [такой] милостью, должен тогда выполнить два требования приличия: во-первых, обменять царскую чарку (...), во-вторых, выпить все пожалованное ему (...осушить до дна чарку). Тогда упомянутый одачи, встав у отверстия бурдюка, по высочайшему знаку выпивает один кубок, а вторую [царскую] чарку прежним порядком подносит царю и возвращается [на свое место]» (Бартольд 1909: 305–306). Сюжет свидетельствует о том, что церемония сохраняет свою главную функцию – уберечься от отравления.

Таким образом, описанные выше ритуалы и церемонии угощения кумысом говорят о более чем четырехсотлетней устойчивости традиции принесения бескровной жертвы в виде кумыса, которая на протяжении XIII–XVII столетий строго регламентировалась правилами Ясы и неразрывно связывалась с военным бытом (Бабурнаме 1982: 305) и политикой степных империй и государств (Юрченко 2012: 16–53).

Современные кумысные праздники и ритуалы в казахской степи

Как показывают авторские полевые материалы, в современных условиях кумысные календарные праздники у казахов сохраняют устойчивость. К праздникам весеннего цикла относятся *бие байлау* (*биебайлар*), *айғыр қосу*, *қымызмұрындық* (*биемұрындық*). Осенью традиционно отмечается праздник последнего кумыса – *сірге жияр* (*сірге мөлдіретер*) (ПМА 2021).

Угощение кумысом у казахов также имеет свои правила. Как и прежде, считается неприличным разливать кумыс из посуды, где он созревает (ПМА 2021). Сегодня это *күбі* – вытянутая ступа из дерева. Принято из *күбі* налить напиток в широкую чашу, затем, вспенив его половником, разлить в пиалы, которые преподносятся двумя руками или правой рукой с придерживанием ее под локоть левой рукой. Для мужчин, как и в прошлом, не считается зазорным как доить кобыл, так и разливать и подавать кумыс (ПМА 2021).

В распределении кумыса отмечаются практики, связанные с благопожелательной магией – *ырым*. Так, в рамках последнего осеннего кумысного обряда – *сірге жияр* (*сірге мөлдіретер*), перед тем как окончательно выпустить лошадей на вольный выпас в степь – *бие ағытар алдында*, последнюю чашу с напитком принято преподносить женщине почтенного

возраста или девочке-подростку (*камелетке толмаган* – не достигшей половой зрелости). Традиция обозначается как *ырым* и исходит из представления о гомеопатической магии, главная цель обряда – получить в следующем году как можно больше приплода из жеребят – женских особей (ПМА 2021).

Церемония угощения кумысом имеет свои этикетные нормы. Преподносят кумыс сегодня двумя способами: двумя руками или правой рукой, придерживая ее при этом за локоть левой (ПМА 2021). Сидящий рядом с тем, кого угощают, произносит: «*Бұйыртысн!*» – «Да будет предназначено (тебе Богом!)», «Да ниспошлет (Бог) тебе!» Описанная выше средневековая церемония забыта, поскольку страх быть отравленным предан забвению.

Теоретическое осмысление кумысных традиций с точки зрения теории памяти

Кумыс и связанные с ним праздники, ритуалы и церемонии остаются в памяти современных казахов в качестве культурного наследия с высоким символическим потенциалом. Такую устойчивость можно объяснить свойствами культурной памяти, поскольку «память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим... Память в силу своей чувственности и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается... символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. Память помещает воспоминание в священное... Память порождается той социальной группой, которую она сплавивает...» (Нора 1999: 20). Кумысные праздники, ритуалы и церемонии можно рассматривать в качестве мест памяти (*lieux de mémoire*), достаточно крепко укорененных в сознании современных казахов, где «праздники – это выражение «коммеморативной бдительности», это «главные бастионы мест памяти» (Нора 1999: 27). Память-наследие (*mémoire-patrimoine*) определяется П. Нора как пятый современный тип памяти (Нора 1999: 55). Память-наследие – есть глубинная трансформация в общественное достояние, в «коллективное наследство традиционных ставок в борьбе внутри самой памяти», подчеркивает ученый (Нора 1999: 55–56).

«Коллективная память, по определению британского историка П. Хаттона, – это сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки <...> коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» (Хаттон 2003: 129). Носителями этой памяти остаются жители казахских аулов – коневоды. Именно они формируют социальные основания коллективной памяти о прошлом кумысных ритуалов, связанных с «мифосоцио-

логическим», экологическим устройством общества, где «животные, люди, неодушевленные объекты первоначально почти всегда воспринимались как поддерживающие между собой отношения самого полного тождества» (Дюркгейм 2011: 58).

Символичен тот факт, что в продвижении кумысных праздников – элементов нематериального культурного наследия – большую роль играют жители двух ключевых районов Сарыарки – Улытауского и Жанааркинского районов Карагандинской области. Благодаря их инициативе и при поддержке акиматов указанных регионов успешно предпринимаются усилия по популяризации кумысных традиций казахов. В 2018 г. элемент «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов – бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық» благодаря стараниям жителей села Терісаққан Улытауского района Карагандинской области и Национального музея-заповедника «Улытау» включен в Репрезентативный список всемирного нематериального культурного наследия в категории «Обычаи, обряды и празднества» (Казахстан: Традиционные весенние... 2018). Год спустя жители 12 сел Жанааркинского района – одна тысяча участников (значительная часть которых – женщины) – установили рекорд по взбиванию кумыса (10 тыс. литров кумыса в одной тысяче – *күбі* – сосудов из дерева).

Выводы

Анализ кумысных праздников и церемоний дает основание утверждать, что в Средние века кумыс использовался в качестве жертвенного возлияния небу, четырем сторонам света, горам, боевому знамени. Ранне-средневековые источники свидетельствуют о том, что экологическая природа степной коневодческой культуры базировалась на «мифосоциологической» социальной организации. В развитое и позднее средневековье имперское начало в степных государственных образованиях начинает доминировать над мифосоциологической природой социального устройства, что переводит кумысные ритуалы и церемонии в статус политических иерархизированных обрядов.

В досоветский и начале советского периода (первая треть XX в.) кумысные ритуалы и церемонии еще отмечались казахами. После того как советская власть приступила к регламентации праздничной культуры, традиционный кумысный обрядовый комплекс сохранялся лишь в формате домашних обрядов. В этот период коневодческие обряды исчезают из общественного пространства и уступают место двум праздничным мероприятиям, устраиваемым для передовиков сельскохозяйственной отрасли: *Шопан той* (День пастуха) в летний период и *Сабантой* – осенью, которые обрели на всей территории Советского Союза универсальный характер.

В настоящее время, несмотря на значительное упрощение, кумысные праздники, ритуалы и церемонии сохраняют устойчивость в казахских аулах как родовые торжества, общественные празднества, а также актуали-

зируются в виде этнографических фестивалей и праздников («Терисакканская весна», «Қымызмұрындық», «Көкмайса», «Сірге жияр»). Они выступают в современных условиях в качестве культуртрегеров нематериального культурного наследия казахов-коневодов, способствуя путем культурной экспансии в мировое пространство (включение элемента «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов – *бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық*» в Репрезентативный список всемирного наследия и в Книгу рекордов Гиннесса – рекорд по количеству участников ритуала взбивания кумыса) популяризации традиций коневодства, кумысного обрядового комплекса.

Как и столетия назад, кумыс сохраняет сегодня в Казахстане роль престижного напитка. «Любовно приготовленный степной кумыс вкусен, ароматичен, приятно слегка пьянит и веселит, и обряд распивания его растягивается под разговоры на долгое время... Кроме того важного значения, которое он имеет в хозяйстве и как неперенное угощение для гостя, кумыс играет заглавную роль при всех выдающихся событиях как семейного, так и общественного характера» (Фиельструп 1930: 270). Но и исчезли из обихода обряды весеннего цикла *көтен беру* (ритуальное угощение табунщиков, угонявших в степь молодняк и взрослых холощеных самцов), праздник привязи жеребят.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бабур-наме (Записки Бабур) / пер. М. Салье. Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. Кн. 2.

Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб: типография В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1909 (Записки Русского географического общества: по Отделению этнографии / ред. д. чл. А.Д. Руднев. Т. 34). С. 293–308.

Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Берлин, Петербург, Москва: Издательство З.И.Гржебина, 1922.

Гандзакеци К. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

История монголов по армянским источникам / пер. и объяснения К.П. Патканова. Вып. 1, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Констабля Сембата. 1873. VIII.

Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995.

Казахстан: Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов были включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества 2018. <http://ru.unesco.kz/kazakhstan-traditional-spring-festivals-of-the-kazakh-horse-breeders-inscribed-on-the> (Дата обращения 03.09.2021).

Мэн-Да-бэй-лу. Записка о монголо-татарах // Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода

*Сураганова З.К., Сарсембина К.К. Кумысные праздники, ритуалы
и церемонии в контексте помнящей культуры Великой степи*

китайских известий и киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб.: тип. Имп. АН, 1857. С. 216–235.

ПМА 2021 – Полевые материалы авторов. Акмолинская, Карагандинская, Павлодарская области. Июль – август 2021 (дневники 1, 2, 3).

Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.

Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. / ред. изд. С.И. Руденко. Л.: Издание Акад. наук СССР, 1930. Вып. 15. С. 1–72.

Фиельструп Ф.А. Молочные продукты питания турков-кочевников // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. / ред. изд. С.И. Руденко. Л.: Издание Акад. наук СССР, 1930. Вып. 15. С. 263–302.

Юань Чао Ви Ши. Монгольский обыденный изборник // Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niᡩiᡵa tobᡩiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. / отв. редактор А.П. Баранников; предисл. Н.Н. Поппе. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. Т. I: Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. С. 9–199.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации к исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сос., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 55–124.

Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. Де и др. Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

Султанова М.Э., Шайгозова Ж.Н. Живое наследие Терисаккана: первый кумыс и священное гостеприимство в праздничной весенней обрядности // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2017. № 5 (315). Серия общественных и гуманитарных наук. С. 203–212.

Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю.Быстрова. СПб.: Фонд «Университет»: Владимир Даль, 2003.

Юрченко А.Г. Кумысная церемония при дворе Бату-хана // *Mongolica-VII* / ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. СПб., Петербургское Востоковедение, 2007. С. 62–70.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012.

Сведения об авторах: Сураганова Зубайда Кабиевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок» (Z00T2C9, пр-т Таеулсиздик, 54, блок 6, Нур-Султан, Республика Казахстан); e-mail: suraganova_zk@mail.ru

Сарсембина Куралай Куандыковна – кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Z01A3D7, ул. К.И. Сатпаева, 2, Нур-Султан, Республика Казахстан); e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Поступила 24.09.2021

Принята к публикации 22.11.2021

Опубликована 29.11.2021

KUMIS HOLIDAYS, RITUALS AND CEREMONIES IN THE CONTEXT OF THE CULTURE OF MEMORIES OF THE GREAT STEPPE

Z.K. Suraganova

*State Historical and Cultural Museum-Reserve “Bozok”
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
suraganova_zk@mail.ru*

K.K. Sarsembina

*Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
kuralai_sk@mail.ru*

Based on written and field sources, this article examines kumis holidays, rituals and ceremonies in historical retrospect and modern reality.

According to Chinese, Armenian, Central Asian sources of the 13th–17th centuries, the ritual significance of kumis is shown which for centuries retained the role of the main ceremonial attribute in the framework of military rituals and sacrifices in the culture of the peoples of Central Asia. Kumis was sprinkled on military standards on the eve of the battle. It acted as a sacrificial libation to Heaven, the cardinal points, and the mountains. Kumis was a prestigious drink and an obligatory treat both in the nomad tent of a simple steppe dweller and at state receptions and festivals of the great steppe empires. This drink served as the main treat at the feast. The order of its distribution semantically designated the hierarchies in the steppe empires.

In the Kazakh steppe, the traditions of kumis ceremonies and holidays continue, according to ethnographic sources of the 19th–20th centuries, to maintain stability. In the twentieth century, the prestigious nature of kumis among the Kazakhs is still noted, and the ritual character of kumis treats is indicated.

Currently, kumis in Kazakhstan still plays the role of a prestigious drink, which is present not only in calendar rituals but also in feasts organized as part of the rituals of the life cycle.

Field studies carried out in July-September 2021 give reason to speak not only about the sustainability of kumis holidays within the framework of the spring and autumn calendar rituals, but also their actualization as an element of intangible cultural heritage and an application for setting a world record.

In contrast to the Middle Ages, in the ceremony of treating kumis today, a change in the nature of the religious rite and purpose is noted.

The complex of kumis holidays that arose in ancient times is considered today by Kazakhs as a cultural heritage, as a place of memory. It is used as a symbolic capital for organizing and carrying out various kinds of events.

Keywords: *Kymyzmuryndyk, Sirge zhiyar*, place of memory, kumys rituals and ceremonies, Kazakhs

For citation: Suraganova Z.K., Sarsembina K.K. Kumysnye prazdniki, ritualy i ceremonii v kontekste pomnyashchej kul'tury velikoj stepi [Kumis Holidays, Rituals and Ceremonies in the Context of the Culture of Memories of the Great Steppe] // *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 257–270. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-2.257-270>

REFERENCES

Dyurkgeym E., Mauss M. O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii k issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy [On Primitive Forms of Classification for the Study of Collective Representations]. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii*. Moscow, 2011, pp. 55–124. (In Russian)

Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. *Frantsiya – pamyat'*. [France – Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 1999. (In Russian)

Sultanova M.E., Shaygozova Zh.N. Zhivoye naslediye Terisakkana: pervyy kumys i svyashchennoye gostepriimstvo v prazdnichnoy vesenney obryadnosti [Living Heritage of Terisakkan: the First Koumiss and Sacred Hospitality in the Festive Spring Ritual]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan*, 2017, no. 5 (315), pp. 203–212. (In Russian)

Hutton P. *History as an Art of Memory*. University Press of New England, 1993. (In English) (Russ. ed.: Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg: “Universitet” Fund: Vladimir Dal', 2003).

Yurchenko A.G. Kumysnaya tseremoniya pri dvore Batu-khana [The Kumis Ceremony at the Court of Batu Khan]. *Mongolica-VII*. St. Petersburg, 2007, pp. 62–70 (In Russian)

Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: the Time of Holidays, the Time of Executions]. St. Petersburg: Yevraziya Publ., 2012. (In Russian)

About authors: Zubaida K. Suraganova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow, State Historical and Cultural Museum-Reserve «Bozok» (54 Taulsizdik Ave., block 6, Nur-Sultan Z00T2C9, Republic of Kazakhstan); e-mail: suraganova_zk@mail.ru

Kuralai K. Sarsembina, Cand. Sc. (History), Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2 Satpaev St., Nur-Sultan Z01A3D7, Republic of Kazakhstan); e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Received September 24, 2021

Accepted for publication November 22, 2021

Published November 29, 2021